

7. Фаликов Б. З. Ради толстой тѣти // Журнальный зал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/2/fa5.html> (дата обращения: 15.09.2019).
8. Галинская И. Л. Загадки известных книг. М. : Наука, 1986. 128 с
9. Сэлинджер Дж. Д. Выше стропила, плотники. Соч.: в 2 т. Харьков : Фолио; Белгород : Фолио-Транзит, 1997. Т. 2. С. 151–201.
10. Завадская Е. В. Культура востока в современном западном мире. М. : Наука, 1977. 168 с.

ГЕРОЙ РОМАНОВ К. ИСИГУРО – ЧЕЛОВЕК НЕБУНТУЮЩИЙ

В. Г. Минина

Минский государственный лингвистический университет

Минск, Беларусь

e-mail: victoriaminina@mail.ru

В статье рассматриваются образы протагонистов романов современного британского писателя Кадзуо Исигуро, которые отказались от сопротивления и смирились со своей судьбой. Принятие агрессивного проявления внешнего мира идет на политическом, социальном и личностном уровнях.

Ключевые слова: человек бунтующий; смирение; фатализм; герой; роман; К. Исигуро.

NONREBELLIOUS CHARCTERS IN K. ISHIGURO'S NOVELS

V. G. Minina

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus

e-mail: victoriaminina@mail.ru

The article discusses the images of the protagonists created the modern British writer Kazuo Ishiguro in his novels. The narrators abandoned resistance and put up with their fate. Acceptance of the aggressive manifestation of the outside world takes place at the political, social and personal levels.

Key words: rebellious man; humility; fatalism; character; novel; K. Ishiguro.

Философия человека непокорного подробно изложена А. Камю в его труде «Бунтующий человек». На вопрос, что же представляет собой человек бунтующий, А. Камю отвечает: «это человек, говорящий “нет”. Но, отрицая, он не отрекается: это человек, уже первым своим действием говорящий “да”. Раб, всю жизнь исполнявший господские распоряжения, вдруг считает последнее из них неприемлемым. “Нет” может, например, означать: “слишком долго я терпел”, “до сих пор – так уж и быть, но дальше – хватит”, “вы заходите слишком далеко” и еще: “есть предел, переступить который я вам не позволю” Вообще говоря, это “нет” утверждает существование границы. Та же идея предела обнаруживается

в чувстве бунтаря, что другой “слишком много на себя берет”, простирает свои права дальше границы, за которой лежит область суверенных прав, ставящих преграду всякому на них посягательству. Таким образом, порыв к бунту коренится одновременно и в решительном протесте против любого вмешательства, которое воспринимается как недопустимое, и в смутной убежденности бунтаря в своей правоте, а точнее, в его уверенности, что он “вправе делать то-то и то-то”. Бунта не происходит, если нет такого чувства правоты. Вот почему взбунтовавшийся раб говорит разом и “да” и “нет”. Вместе с упомянутой границей он утверждает все то, что неясно чувствует в себе самом и хочет сберечь. Он упрямо доказывает, что в нем есть нечто “стоящее” и оно нуждается в защите» [1, с. 70].

Рассказчики же К. Исигуро (с. 1954), напротив, и не помышляют о подобном бунте. Некоторые из них не говорят своего «нет» даже распространению милитаристских идей в стране. Художник Масуджи Оно из романа «Художник зыбкого мира» (*An Artist of the Floating World*, 1986) во время Второй мировой войны создает милитаристские картины и плакаты, которые пропагандируют захватническую политику Японии, выдает полиции своего любимого ученика Куроду за его «непатриотическое» поведение. Дворецкий Стивенс из «Остатка дня» (*The Remains of the Day*, 1989) отказывается критично посмотреть на поступки своего хозяина, который поощряет фашистские идеи в Британии, без повода увольняет еврейских горничных.

Бунт может иметь разную природу: как внешнюю, так и внутреннюю. Анализируя романы К. Исигуро, можно говорить о следующих причинах потенциального бунта главных героев: политическая, социальная, личностная.

Приведенные выше примеры относятся к возможным политическим причинам появления человека бунтующего. «Природа и Общество в целом – это почва, на которой мы вырастаем, поле, на котором мы обречены вести свою игру, – пишет российский литературовед П. Рябов. – Но против данной природы и данного общества человеку можно и должно бунтовать, преобразуя мир и себя в мире, рождая в борьбе специфически человеческую реальность. Ведь принять всю данность окружающего, мириться со всем злом и несовершенством мироздания – значит, по Бакунину, предать человеческий жребий, отречься от свободы» [2].

С идеей свободы связана, как нам видится, следующая – социальная – причина, которая могла бы привести к бунту рассказчиков К. Исигуро. Так, роман «Не отпускай меня» (*Never Let Me Go*, 2005) повествует о клонах, которых вырастили с целью использования их органов для

трансплантации больным людям, следовательно, их единственное предназначение и миссия – стать донорами. В конце романа рассказчица Кэти спрашивает, почему все считают, что у клонов не должно быть души, ведь они умны и талантливы. Мало того, у них есть чувства: они страдают, сопереживают, влюбляются, ревнуют, дружат, испытывают угрызения совести. Примечательно, что Кэти упоминает имена знаковых фигур литературы и искусства XX века, отсылка к которым свидетельствует о соответствующем интеллектуальном уровне клонов, которые за завтраком любят поговорить о литературе и живописи и обсудить произведения Джойса, Кафки и Пикассо. Клоны умны, образованны, хорошо развиты физически – казалось бы, идеальные люди. Но они молчат. Как утверждает А. Камю, «поработившему его порядку он [человек бунтующий] противопоставляет своего рода право терпеть угнетение только до того предела, какой устанавливается им самим» [1, с. 70]. Клоны К. Исигуро такого предела не устанавливают, не говорят «нет» либо «с меня довольно».

Клоны же, как показывает К. Исигуро, не мятежники, готовые вследствие своего угнетенного положения подняться и протестовать. Они существа, живущие в мире, где никто не ожидает от них противостояния, они покорны и смиренны – именно такими их создали. Они не замечают насилия над собой, своим телом и душой. Они даже гордятся своей миссией, видят в ней исполнение долга. Подобное поведение можно определить как проявление истинного христианского смирения, принятия своей участи. В этом контексте смерть является достойным уходом из недостойного мира. Клонам отказано в душе, при этом им уготован путь мученичества и жертвенности.

П. Рябов отмечает, что именно в бунте «человек – единственное животное, способное к бунту, к осознанию своей смертности, свободы и ответственности, – утверждает и свою личную индивидуальность, и общечеловеческую солидарность, и человеческий смысл, выраженный Камю в лаконичной формуле: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Тем самым категория «бунт» из метафоры или узкополитического понятия превращается в важную характеристику человеческого существования» [2]. На такой бунт герои-клоны не идут. Они подчас и не чувствуют, что живут, скорее, ждут смерти.

Герои не убегают, так как побег для них не выход, им просто некуда бежать – перед ними расстилается лишь враждебный и незнакомый мир, в котором их никто не ждет, в котором их сторонятся, боятся и даже испытывают чувство омерзения. Побег – это несогласие, бунт, он всегда связан с преодолением некой границы, барьера, но воспитанники Хейл-

шема на это не способны. Вместо этого герои «делают то, что мы все делаем; они, исполняя свой долг, пытаются придать нашей жизни некий смысл», – говорит К. Исигуро [3].

П. Рябов справедливо замечает, что бунт, по Камю, есть своего рода балансирование на острие ножа между двумя, с виду противоположными, но в сущности сходящимися воедино крайностями: крайностью тотального принятия, конформизма и крайностью тотального отрицания, нигилизма. И то и другое ведет к разрушению человека и человеческого мира. В первом случае человек отказывается от борьбы, от свободы, от себя, принимает мир целиком, каков он есть, со всеми его гнусностями и абсурдом, во втором – не выдержав борьбы, дезертирует, неизбежно идет к аморализму, убийству и самоубийству [2]. Герои-клоны идут по первому пути – безропотно принимают свою судьбу, отрекаясь от свободы.

Не бунтуют рассказчики К. Исигуро и когда дело касается их личной жизни. Етсуко, героиня романа «Там, где в дымке холмы» (*A Pale View of Hills*, 1982) запрятала глубоко в сердце боль от утраты старшей дочери, она ушла в себя и только безмолвно блуждает по комнатам своего опустевшего дома, словно в поисках призраков прошлого.

Мусуджи Оно («Художник зыбкого мира») не отстаивает свою правоту, не пытается никому объяснить причины своих прошлых поступков, не пытается восстановить свое доброе имя, он предается воспоминаниям и в ностальгии обретает примирение с прошлыми ошибками.

Дворецкий Стивенс («Остаток дня») безмолвно отпускает любовь своей жизни; смолчит он и второй раз, когда они уже увидятся в старости, так и не выкажет своих сожалений о том, что они не вместе.

Музыкант Райдер из «Безутешных» (*The Unconsoled*, 1995) безропотно и без тени удивления пробирается сквозь алогичность и хаос, в которые превратилось его бытие, когда неизвестно откуда вдруг появляются люди, здания, объекты, которых в это время и в этом месте просто не должно быть; когда он уехал на прогулку за город, откуда ему удалось вернуться прямо в свой номер в отеле через дверь в пригородном кафе; когда его поздравляют с остроумной речью, которую, как он помнит, он никогда не произносил; когда герой почему-то везде опаздывает: на встречи, интервью, фотосессии, на автобус – иногда сам не зная, что его, оказывается, где-то ждут; когда он плохо ориентируется во времени и пространстве, случайно попадает на запланированные встречи, о которых знали все, кроме него; когда даже прибыв в город, он не помнит цели своего приезда и не знает, где он.

Не ропщет, а лишь от боли и унижения уходит в себя и герой романа «Когда мы были сиротами» (*When We Were Orphans*, 2001), когда узнает

правду о предательстве отца, сбежавшего с любовницей, о продавшей себя в рабство матери, чтобы обеспечить сыну образование, а также правду о том, что лучший друг семьи оказывается опиумным магнатом, финансировавшим его обучение.

Таким образом, героев К. Исигуро нельзя назвать людьми бунтующими, они просто смиряются с судьбой. Памела Бикли верно отмечает, что рассказчики, например, в XIX веке были более бунтующими натурами (например, Джейн Эйр, которая боролась с воинственно к ней настроенным миром и отстаивала свою личность и индивидуальность), рассказчики же К. Исигуро принимают свою безрадостную и жестокую судьбу [4, р. 47]. «В бунтарском порыве, – пишет А. Камю, – рождается пусть и неясное, но сознание: внезапное яркое чувство того, что в человеке есть нечто такое, с чем он может отождествить себя хотя бы на время. <...> Сознание возникает вместе с бунтом» [1, с. 71]. У героев К. Исигуро этого не происходит.

Подводя итог, необходимо отметить, что герои К. Исигуро понимают, что бунтовать нет никакого смысла, по своей природе они, скорее, фаталисты. Помимо этого, они точно знают, что бунтом ничего не изменить. А. Камю утверждает, что «бунта не происходит, если нет <...> чувства правоты» [1, с. 70], рассказчики К. Исигуро во многом не чувствуют себя правыми.

Библиографические ссылки

1. Камю А. Человек бунтующий // Сочинения: в 5 т. Харьков : Фолио, 1998. Т. 3. С. 59–408.
2. Рябов П. Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://rebels-library.org/files/camus_ryabov.pdf (дата обращения: 13.05.2019).
3. Interview with K. Ishiguro [Electronic resource]. Mode of access: http://www.pittsburghlive.com/x/pittsburghtrib/s_322215.html (date of access: 23.03.2019).
4. Bickley P. Contemporary Fiction: The Novel since 1990. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 128 p.

СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ «АТМОСФЕРНОСТИ» В РОМАНЕ Д. МИТЧЕЛЛА «ЛУЖОК ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ»

Д. О. Половцев, П. П. Санюта

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

e-mail: dzianispol@list.ru

В настоящей статье рассматриваются способы создания «атмосферности» в романе Д. Митчелла «Лужок Черного Лебедя». Авторами статьи было выявлено